

С. Леончик

**ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НАРОДОВ СИБИРИ
ПОЛЬСКИМИ ССЫЛЬНЫМИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.***

doi: 10.30759/1728-9718-2021-2(71)-154-160

УДК 39(571)“16/18”

ББК 63.5(285)

В статье приводятся сведения об этнографических исследованиях народов Сибири, опубликованных поляками в виде описаний, записок и дневников во второй половине XIX в. Малоисследованными до сих пор являются опубликованные на европейских языках этнографические очерки ссыльных участников январского восстания в Польше 1863–1864 гг. П. Арганта, А. Я. Кона, М. Грушецкого, Я. Котона. Автор отмечает особый вклад Л. Немоёвского, который, находясь в ссылке, написал десятки очерков и книгу «Сибирские картинки», которая была издана на польском и английском языках. Л. Немоёвский одним из первых представил европейскому читателю жизнь сибирских народов — и не только коренных, но и русских сибиряков. Не все его описания точны, иногда они в чем-то наивны. Особой ценностью его очерков является одно из первых подробных описаний хакасов. Им было уделено значительное внимание, были проанализированы не только их традиции, но и психология, фольклор и религиозные верования. В заключении публикации подчеркнута важность изучения опубликованных этнографических наблюдений ссыльных участников Январского восстания в Польше 1863–1864 гг. Все эти очерки, статьи и книги, безусловно, вписываются в популярное во второй половине XIX в. направление «этнографической беллетристики» или распространенного в Польше «ludoznawstwa».

Ключевые слова: *этнографические исследования, народы Сибири, январское восстание в Польше 1863–1864 гг., Людвик Немоёвский, енисейские татары — хакасы, этнографическая беллетристика*

Как известно, для этнографического аспекта научных исследований релевантными являются сбор и накопление разнообразного материала: наблюдений ученых-этнографов, разного рода описаний, записок путешественников, экспедиционных изысканий, фольклорных и иных материалов, изучение письменных и устных источников, описание археологических, антропологических и иных данных.

Одним из основных методов изучения жизни народов являются полевые исследования, связанные с длительным пребыванием исследователя в месте проживания изучаемого этноса. В Сибири невольными этнографами становились ссыльные. Власть умело использовала их образование, накопленные перед ссылкой знания и даже опыт в этнографических исследованиях. В XIX в. на территории Сибири появились целые группы ссыльных поляков, участников польских восстаний —

ноябрьского 1830–1831 гг. и январского 1863–1864 гг. Однако больший вклад в изучение этнографии и языков народов Сибири все-таки внесли участники революционных движений 1870–1880 гг. на территории Царства Польского и Европейской России. Среди них, безусловно, выделяются достижения таких этнографов и языковедов, как В. Серошевский, Э. Пекарский, Б. Пилсудский и Ф. Кон.

До сих пор в тени этих выдающихся исследований остаются этнографические описания, опубликованные ссыльными участниками январского восстания 1863–1864 гг., которые проживали на поселениях в Восточной Сибири. Историки редко обращались к этнографическим текстам ссыльных участников этого восстания. Первой попыткой выделить ссыльных польских этнографов, разделив их по хронологическому принципу, прежде всего представляя достижения ссыльных второй половины XIX в., стала монография польского исследователя В. Армона, вышедшая в 1977 г.¹ В ней автор посвящает отдельные подразделы таким участникам январского восстания, как Альбин Якуб Кон, Михаил Грушецкий, Людвик

Леончик Сергей — д.и.н., профессор, Институт Истории Естественного-гуманитарного университета (Польша, г. Седльце)
E-mail: sergiusz.leonczyk@uph.edu.pl

* Статья написана в рамках исследования по гранту № 110/20/В Министерства образования и науки Республики Польши (Естественно-гуманитарный университет в г. Седльце)

¹ См.: Armon W. Polscy badacze kultury Jakutów. Wrocław, 1977. Издание этой монографии на русском языке: Армон В. Польские исследователи культуры якутов. М., 2001.

Немоёвский, Якуб Котон, Александр Чекановский, Зигмунд Венгловский и Ян Черский. Однако анализ их деятельности автор монографии сосредотачивает на этнографических описаниях якутов. В 1978 г. во Вроцлаве вышли материалы международной конференции, которая была посвящена истории польско-русских контактов в области этнографии. В сборнике материалов представлена только одна статья об участнике январского восстания, посвященная этнографическим описаниям Сибири в работах Людвика Немоёвского.² В конце XX — начале XXI в. как в Польше, так и в России выходят коллективные монографии, материалы конференций, посвященные полякам и их описаниям Сибири. Однако и в них большая часть материалов посвящена хозяйственной деятельности ссыльных поляков — участников январского восстания, их адаптации и ассимиляции в Сибири. Одной из немногих монографий, посвященных научной деятельности польских ссыльных XIX в., является коллективный труд «Польские исследователи Сибири» опубликованный в 2011 г.³

Задачей данного исследования является введение в научный оборот информации о малоизвестных этнографических описаниях сибирских народов, авторами которых являются участники январского польского восстания 1863–1864 гг. Одними из первых опубликованных этнографических наблюдений являются очерки Пауля Арганта, Альбина Якуба Кона, Михаила Грушецкого, Якуба Котона и Людвика Немоёвского.

П. Аргант, подданный Пруссии, был выслан в группе пяти французов в Енисейскую губернию. В Красноярске был неофициально принят учителем французского языка для детей местной знати. Особое положение П. Арганта давало ему возможность выезжать за пределы Красноярска, и после трехлетнего пребывания в ссылке он, как иностранный подданный, был амнистирован и уехал в Пруссию.⁴ В 1874 г. в Познани выходит его книга на французском языке «Relations sur la Sibirie. Premiere conferens»⁵ («Упоминания о Сибири. Первая конференция»), которая содержит описание народов, населявших Енисейскую губернию.

В небольшом очерке «Une Visite chez les Tartares» («Визит к татарам») он описывает енисейских татар (хакасов), рассказывает о своей поездке в г. Минусинск и посещении близлежащих мест обитания хакасов, описывает убранство юрты, роль мужчин и женщин, а также религиозные представления этого народа.⁶

Практически в то же время выходит другая книга сосланного в Якутию в 1866–1869 гг. Альбина Якуба Кона, содержащая описания народов Сибири. Перед ссылкой Кон, по профессии учитель, успел пройти обучение в 1851–1854 гг. в Агрономическом институте в Маримонте под Варшавой. За участие в январском восстании был приговорен к 12 годам каторжных работ, но так же, как и П. Аргант, воспользовался первой амнистией в 1869 г., будучи прусским подданным.⁷ Его книга «Сибирь и Амурская область», написанная совместно с немецким географом Р. Андреа на немецком языке и изданная в Лейпциге в 1876 г., включала разделы о народах Западной и Восточной Сибири.⁸ Кроме этой книги, им были написаны статьи для нескольких немецкоязычных изданий, в которых подробно и точно описывается жизнь и традиции якутов и бурят.⁹ На польском языке А. Я. Кон опубликовал этнографические очерки под общим названием «Письма из Сибири».¹⁰ Он стал первым переводчиком на немецкий язык книги Н. Пржевальского «Монголия и страна тангутов».¹¹ Неслучайно в биографической статье о Коне С. Чарнецкий так охарактеризовал его главную заслугу: «...в немецком общественном мнении он рассматривался как

⁶ См.: Там же. Р. 18–24.

⁷ Известный исследователь польско-сибирской истории Болеслав Шостакович указывал на еврейское происхождение Кона. См.: Шостакович Б. С. Феномен польско-сибирской истории XVII в. — 1917 г. М., 2015. С. 553.

⁸ См.: Andrea R., Kohn A. Sibirien and das Amurgebiet. Leipzig, 1876. Эта работа была переиздана совсем недавно, и в новом издании уже фамилия Кона поставлена первой: Kohn A., Andrea R. Sibirien und das Amurgebiet: Geschichte und Reisen, Landschaften und Völker zwischen Ural und Beringstraße. Einbeck, 2006.

⁹ Его более подробный очерк о якутах опубликован был в немецком журнале «Глобус» в 1876 г. См.: Kohn A. Der Jakuter Volksstamm in Sibirien // Globus, BD. 25, 1874. P. 215–217, 235, 236, 246–248; кроме того, в журнале о природе: Kohn A. Die Pflanzenwelt Sibiriens // Die Natur. 1875. № 27–31; Kohn A. Die Saugetierte Nord-Asien // Die Natur. 1875. № 40–49. Цит. по: Armon W. Op. cit. P. 35, 36.

¹⁰ См.: Kohn A. Listy z Syberii // «Sobótka». 1871. № 29. P. 342. № 34. P. 408.

¹¹ См.: Przhevalski N. Reisen in der Mongolei: Im Gebiet der Tanguten und den wüsten Nordtibets in den Jahren 1870 bis 1873, Aus dem Kuffiten und mit Umwertungem berfehen von Albin Kohn. Jena, 1877.

² См.: Małgowska H. M. Etnografia Syberii w pracach Ludwika Niemojewskiego // Historia kontaktów polsko-rosyjskich w dziedzinie etnografii. Materiały konferencji we Wrocławiu. Warszawa, 1984.

³ См.: Польские исследователи Сибири. СПб., 2011.

⁴ ГАКК. Ф. 595. Оп. 63. Д. 3. Л. 12.

⁵ Argant P. Relations sur la Sibirie. Premiere conferens. Posen, 1874.

ведущий представитель культурного сближения между немцами и славянами».¹²

Кроме вышеупомянутых П. Арганга и Я. Кона, стоит отметить еще двух ссыльных писателей-исследователей. Оставили они практически по одной работе. Михаил Грушецкий довольно подробно описал тунгусов и издал серию статей под общим заголовком “Z podróży po Wschodniej Syberii” («Из путешествия по Восточной Сибири»). Он дважды ссылался в Сибирь, в первый раз как участник тайной организации в 1838 г. Его почти 20-летнее пребывание в Забайкальском крае дало ему возможность познакомиться с местным населением. В 1858 г. он вернулся в Варшаву, однако в 1863 г. был вновь сослан за участие в январском восстании на пять лет в Усолье-Сибирское. К сожалению, его подробные наблюдения не были обобщены в отдельном издании.¹³

Якуб Котон, высланный в Енисейскую губернию в 1864 г., в 1866 г. совершил побег, после чего был сослан в Балаганский уезд Иркутской губернии, где после трех лет пребывания совершил второй побег и доехал до Москвы, где был схвачен и вновь отправлен в ссылку, в Верхолениск. Совершил третий побег и схвачен был уже в Гродно, собираясь пересечь границу с Царством Польским. Опять был выслан в Якутию, где провел 17 лет, занимаясь охотой и рыбной ловлей. Четвертый побег ему удался, и в 1889 г. Я. Котон добирается до Парижа, а потом переезжает в Вену. В 1891 г. издает небольшую брошюру на польском языке “Ucieczka z Syberii” («Побег из Сибири»), где, кроме своей жизни в Сибири и побегов, подробно описывает религиозные обряды, а также погребальные обычаи якутов. Уникальность этого описания в том, что оно касается территорий на севере Якутии, для того периода оно было первым записанным наблюдением.¹⁴

Среди ссыльных поляков, занимавшихся этнографией сибирских народов, стоит выделить Людвика Немоёвского (1823–1892).¹⁵ За участие в январском восстании 1863–1864 гг. он был приговорен к смертной казни, но после амнистии выслан на поселение в Енисейскую губернию.¹⁶ Местом его поселения стало

сначала небольшое село на западе Енисейской губернии, но вскоре его переселили в село Балахта. Ссылный получает работу торгового агента у богатого купца в Минусинске, что дает ему возможность путешествовать, и в 1867 г. он принимает участие в торговой экспедиции в Западную Монголию. Экспедиция была организована с целью исследования торгового пути от Енисейской губернии к Монголии и Китаю. Губернские власти специально для Л. Немоёвского, как политического ссыльного, получили разрешение на пересечение границы Российской империи.

Журналист, драматург и этнограф Л. Немоёвский был сыном председателя трибунала Калишского воеводства и племянником Бонавентуры и Винцентия Немоёвских — известных польских патриотов, одних из авторов польской конституции 1815 г., а также защитников существования Царства Польского. Родился в Варшаве и перед ссылкой учился в Польше и за границей. В 1855 г. совершил путешествие в Италию и Тунис. Именно тогда он и заинтересовался этнографией, начал собирать материалы по фольклору. Перед началом январского восстания он стал собственником имения в Радошевицах Виленской волости. Л. Немоёвский активно печатался в таких польских изданиях, как “Gazeta Warszawska” («Варшавская газета»), “Kroniki i Wiadomości Krajowe i Zagraniczne” («Хроники и новости местные и заграничные»), “Magazyn Mód” («Журнал мод»)¹⁷ Однако как отмечал известный польский критик и историк литературы П. Хмелёвский, «особого таланта в его статьях того периода не наблюдалось».¹⁸

Стать более зрелым журналистом и этнографом Л. Немоёвскому помогла ссылка, а точнее его поездки по территории Сибири, во время которых он наблюдал жизнь сибиряков, их обычаи. Свои описания он представляет на страницах журнала “Wędrowiec” («Путешественник»). В статье «Сибирский крестьянин — этнографическое исследование» он описывает встречи с местными жителями, приводя интересные факты из их жизни и отмечает, что «ссылные, прибывшие из разных частей империи, приносят свои обычаи, а Сибирь изменяет этих людей».¹⁹

¹² Цит. по: Czarniecki S. Kohn Albin Jakub // Polski słownik biograficzny. Kraków, 1967/1968. Vol. 13. P. 204.

¹³ См.: Hordejuk S. Michał Jan Gruszecki (1814–1892). Zpomniany badacz Syberii // Zesłaniec. 2010. № 45. P. 4, 5.

¹⁴ См.: Koton J. Ucieczka z Syberii. Kraków, 1891.

¹⁵ См.: Ślabczyński T. Niemojowski, Ludwik // Słownik polskich podróżników i odkrywców. Warszawa, 2017. P. 293.

¹⁶ См.: Cederbaum H. Powstanie styczniowe. Wyroki audytoriatu

polowego z lat 1863, 1864, 1865 i 1866. Warszawa, 1917. P. 46, 47.

¹⁷ См.: Lech Z. Syberia Polską pachnąca. Warszawa, 2002. P. 97.

¹⁸ Цит. по: Armon W. Op. cit. P. 45.

¹⁹ Цит. по: Niemojowski L. Włościanin syberyjski — studium etnograficzne // Wędrowiec. 1871. Vol. 4, № 82. P. 50, 70.

Причинами «сибирячения»,²⁰ по Л. Немоёвскому, являются: сибирский климат, отличающиеся общественные отношения, большие расстояния и плохие дороги, а также то, что «преступное поведение отца передавалось на сына». Кроме того, он отмечает, что привезенные из Европейской России обычаи хоть и сохранялись, но были несколько свободны в своих исполнениях, а вера в приметы и суеверия на территории Сибири была довольно сильна. От китайцев и монголов сибиряки переняли характерные им черты — хитрость и предприимчивость.²¹

Отдельный очерк посвящен сибирской фауне, и, казалось бы, это не этнографический очерк, но, описывая темно-бурых медведей от Тобольской до Иркутской губернии, Л. Немоёвский показал, как охотятся тунгусы и якуты. Автор описывал, как готовятся в тунгусском ауле к охоте на медведя: «Все население, за исключением детей и старцев, выходит на охоту. Шаман проводит обряд, освящает все орудия, предназначенные для проведения охоты».²²

Л. Немоёвский внимательно описывал жизнь и традиции сибирских народов. В какой-то мере он уже имел опыт: перед ссылкой он собирал народные польские легенды, анализировал их по принципам, представленным в трудах К. В. Войцицкого и Л. Голембевского.²³ В Сибири он прежде всего записывал всю информацию о местном населении, опираясь на свои наблюдения и на рассказы других людей. Он обращался к частным библиотекам в домах сибирской интеллигенции, хотя и там литературы по этнографии, тем более по этнографии Сибири 1860-х гг., было мало.²⁴

Свои первые этнографические очерки «Коренные племена Сибири» Л. Немоёвский опубликовал на страницах «Wędrowca» («Путешественника»)²⁵ В этих очерках он описал жизнь енисейских татар (хакасов), остяков (хантов), гиляков (нивхов), саянов (сойотов), бурят, тунгусов (эвенков) и якутов.

²⁰ Термин придуман Л. Немоёвским — *zsybiraczenie* — сибирячение.

²¹ См.: Там же. P. 87.

²² Цит. по: Niemojowski L. Fauna syberyjska. Zarysy zoologiczne // Wędrowiec. 1872. Seria 2, vol. 5, № 105. P. 12, 27, 40.

²³ Казимир Владислав Войцукский (1807–1879), польский литератор и издатель, историк Варшавы. Лукаш Голембёвский (1773–1849) — один из первых польских этнографов, исследователь старинных славянских традиций. См.: Bibliografia Literatury Polskiej — Nowy Korbut. Warszawa, 1966. P. 478–480.

²⁴ Цит. по: Małgowska H. M. Op. cit. P. 111, 112.

²⁵ См.: Niemojowski L. Pierwotne plemiona Syberii. Studium etnograficzne // Wędrowiec. 1872. Vol. 4, № 128. P. 374, 378; № 130. P. 412–414.

Трудно установить, был ли Л. Немоёвский во всех регионах Сибири, кроме Енисейской губернии; известно, что он точно посещал Томскую и Иркутскую губернии, но не был в Якутии и на Дальнем Востоке. Его наблюдения о народах строились на рассказах очевидцев, которые он лишь записывал. О якутах он написал очерк, основываясь на информации одного из купцов.²⁶

Этнографические описания содержат также письма, написанные Л. Немоёвским в Минусинске и отправленные его дочери в Царство Польское в 1869–1872 гг. Описываемые им наблюдения касаются жизни русских крестьян-сибиряков, енисейских татар (хакасов) и ссыльных поляков. В письме от 4 марта 1869 г. он довольно подробно описывает Сибирь и ее народы, приходя к мнению, что если в Америке европейцы, сначала испанцы, а затем и голландцы, англичане и французы достаточно быстро привели к исчезновению предколумбийских цивилизаций, истребляя местные племена, то в Сибири все наоборот. Поэтому сибирское население можно разделить на две части: первая — российская — ссыльные и их потомки, а также добровольно прибывшие чиновники и купцы, вторая же часть — это аборигенное население, которое с самого начала заселяет эти земли. Российское население заселяет исключительно города и села, которые растянуты вдоль трактов. Аборигенные племена же заселяют бескрайние степи и таежные леса.²⁷ В письме от 16 сентября 1869 г. Л. Немоёвский подробно описывает свои встречи с шаманом, называемым им Карки. Енисейские татары считают шамана чуть ли не святым. Л. Немоёвский описывает его особые познания в траволечении и то, что в отличие от порошков, которые ему прописали врачи, травы шамана Карки вылечили его от болезни. Л. Немоёвский отмечает, что шаман и его жена прекрасно говорили на русском языке. Одевались они в традиционный национальный костюм и официально исповедовали православие, хотя, как отмечает автор, делали это только для властей, на самом же деле были язычниками. Отмечает он также их гостеприимство.²⁸ В своих письмах не обошел

²⁶ См.: Ibid. P. 126.

²⁷ Цит. по: List L. Niemojowskiego do córki (Письмо Л. Немоёвского к дочери), 4 marca (марта) 1869 // Archiwum Muzeum im. ks. J. Jarzębowskiego (Архив Музея им. Кс. Я. Яжембовского), Licheń Stary (г. Лихень Старый, Республика Польша).

²⁸ Цит. по: List L. Niemojowskiego do córki (Письмо Л. Немоёвского к дочери), 16 września (сентября) 1869 // Там же.

Л. Немоёвский и группы проживавших в Минусинске и в других населенных пунктах ссыльных поляков, уделил внимание многим сторонам их жизни. Описывая огромные пространства Енисейской губернии, он не преминул отметить, что католический священник один на всю губернию находится в Красноярске и вся губерния является его приходом. В местах проживания поляков католический священник может быть в лучшем случае раз в два года. Л. Немоёвский описывал католическую службу, которая проходила в одном из домов в Минусинске. В дом войти смогли только 30 человек, многие остались стоять во дворе. В Минусинске проживало более 100 поляков, в Сибири, отмечал Л. Немоёвский, было около 30 тысяч, в описываемое время в связи с амнистиями и перенаправлением в Европейскую Россию, возможно, оставалось около 20 тысяч. Однако немалое количество людей не дождалось возвращения на родину и похоронены на местном минусинском православном кладбище. Отмечает он также и то, что рядом со ссыльными были их жены, сестры и дочери: женщины приезжали вслед за своими сосланными родственниками. Однако сам Л. Немоёвский просит дочь не следовать их примеру, как бы ни хотелось ему ее увидеть.²⁹

В 1873 г. Л. Немоёвский был амнистирован. Власти переселили его в Оренбургскую губернию, затем в Казанскую, но уже в 1874 г. он вернулся в Варшаву. В 1875 г. выходит в свет его первая книга этнографических очерков «*Obrazki Syberyi*» («Сибирские картинки»).³⁰ Книга состоит из пяти разделов, которые, кроме преобладающих этнографических описаний, содержат информацию о фауне Сибири, ее экономике и планах по строительству железной дороги. В 1883 г. эта монография была издана в Лондоне на английском языке.³¹

Особую ценность как для польского, так и для английского издания представляют выполненные на высоком уровне иллюстрации известного художника Михала Эльвио Андриолли. Монография Л. Немоёвского стала одним из первых этнографических сводных описаний народов Сибири, изданных на двух языках.

Известный польский этнолог В. Армон отмечает, что если описания якутов у Л. Немоёв-

ского «наивны и неточны», то с уверенностью можно отметить, что ему удалось описания тунгусов (эвенков), которых он лично видел и с которыми общался.³² Кроме описаний тунгусов (эвенков), Л. Немоёвскому, несомненно, удалось и описания енисейских татар (хакасов). Кроме того, очерк об этом народе стал первой публикацией как на польском, так и на английском языках, хотя в этом отношении его опережает на год вышедшая в Познани на французском языке книга П. Арганта.

Л. Немоёвский же, в отличие от П. Арганта, который, как следует из заголовка очерка «*Une Visite chez les Tartares*» («Визит к татарам»), лишь раз посещал этот народ, часто общался с представителями народа, присутствовал при шаманском камлании, записывал легенды и интересовался историей народа. Он отмечал, что крещенные в православие енисейские татары так и остались язычниками и их «грубо вытесанные из дерева божки находятся в самом темном углу» и нередко рядом с иконой. «Татары могут сначала прочитать заклятия, направленные к языческим божкам, а затем обратиться к иконе христианского мученика. Такая двойственность придает им уверенности, что их желания, просьбы будут исполнены».³³

Л. Немоёвский также представил психологический портрет енисейских татар, назвав их гостеприимными, добродушными и флегматичными, среди отрицательных черт он выделил их неаккуратность, медлительность и любовь к спиртным напиткам.³⁴

Среди особенностей, характерных для енисейских татар, в отличие от других описываемых в книге народов, автор называет необычные отношения между мужчинами и женщинами. С одной стороны, женский пол занимает самый низкий уровень, «однако в семейном кругу жены владеют всем, что их окружает, не исключая мужа, главы дома, который часто становится слепым исполнителем воли и желаний своей половины... Причина кроется в обычае женитьбы молодых юношей на девушках значительно старше».³⁵

Особо ценным фиксатором традиций и верований енисейских татар является фрагмент, описывающий личное присутствие Л. Немоёвского при обряде камлания шамана. Как пишет

²⁹ Цит. по: List L. Niemojowskiego do córki (Письмо Л. Немоёвского к дочери), 4 марта (марта) 1869 // Там же.

³⁰ См.: Niemojewski L. *Obrazki Syberyi*. Warszawa, 1875.

³¹ См.: Niemojowski L. *Siberian Pictures*. London, 1883. Vol. 1–2.

³² Цит. по: Armon W. *Op. cit.* P. 36, 37.

³³ Цит. по: Niemojewski L. *Obrazki Syberyi*. P. 88–92.

³⁴ Цит. по: *Ibid.* P. 102, 103.

³⁵ Цит. по: *Ibid.* P. 92–95.

автор, шаманы не любят, чтобы при их обряде присутствовали посторонние, но ему удалось уговорить семью, чтобы его укрыли в юрте. Почти час Л. Немоёвскому удавалось следить за проведением обряда, но шаман его увидел — вреда не причинил, но по очереди выволок всех членов семьи из юрты, в том числе и детей, и бил изо всей силы. Л. Немоёвский описал, как шаман изгонял злых духов из тела больного сына хозяина юрты. Вскоре больной умер, и Л. Немоёвский просил прощения у отца умершего, полагая, что его семья посчитает его виновным в смерти. Однако пожилой глава семейства неожиданно отреагировал спокойно: «Мы знали, что он Вас в конце концов откроет, только не предполагали, что так больно бить будет. Наш шаман хорошо знает свое дело, только рука у него тяжелая. А вообще это и так пойдет в счет тэнгри (души) моего бедного сына».³⁶

Достаточно интересны записанные Л. Немоёвским хакасские легенды о воинственном властелине и его супруге. Он считал, что за образом этого воинственного властелина скрывается сам Чингисхан, поэтому решил побольше узнать об истории народа, на что ему один из стариков у огня в юрте сказал, что он удивлен, что кто-либо может интересоваться прошлым, так как он и его предки считают, что имеет значение только то, что есть сейчас. Прошлые же времена, которые никогда не вернутся, не заслуживают даже воспоминания.³⁷

К сожалению, книга этнографических очерков Л. Немоёвского не получила такого отклика, как изданные позднее и, безусловно, затмившие его очерки этнографические труды В. Серошевского, Э. Пекарского и Ф. Кона. Ни при жизни автора, ни после его смерти книга эта ни разу не была переиздана и не переведена на русский язык.

Польский этнолог В. Армон отмечает, что «Л. Немоёвского считали писателем “*minorum gentium*”³⁸ и поэтому специально им никто не занимался».³⁹ Хотя, безусловно, книга очерков «Сибирские картинки» стала первой большой работой на польском языке, впоследствии изданной на английском, посвященной народам Сибири и соседней Монголии, написанной ссыльным поляком, находившимся в Сибири на протяжении девяти лет.

* * *

Этнографические очерки, созданные ссыльными участниками январского восстания 1861–1864 г., хотя и были написаны не только на польском, но и на французском и немецком языках, и переведены даже на английский язык, все, безусловно, вписываются в направление «этнографической литературы», «этнографической прозы» или «этнографической беллетристики». Ее начало ряд исследователей относит к 1840-м гг. А. И. Пыпин считал, что в это время формируется новая наука этнография и литература «овладевает реально-правдивым изображением народной жизни».⁴⁰ Зачинателем этнографической прозы можно считать В. И. Даля, и если в 1840-х гг. этнографическая проза была обращена к изображению жизни и быта русских крестьян, то уже к концу XIX в. русская этнографическая проза описывает коренные народы Сибири, Поволжья и Средней Азии.

В то же время поляки, попавшие в сибирскую ссылку и ставшие «невольными этнографами», также исходили в своих описаниях из принципов, развивающих популярное направление польской этнографической литературы — “*ludoznawstwo*”, переводимое на русский язык как «народоведение». В польскую литературу оно пришло из Германии, где свое развитие получило еще в конце XVIII в.⁴¹

Анализируемым в данной статье текстам присущи такие характерные черты «этнографической беллетристики», как установка на познание новых этномиров и их достоверное и зачастую совершаемое по определенному образцу описание, осуществляемое через узнавание и сравнение со знакомой жизнью — русского или польского народов. Жанрово эти описания базировались на путевых заметках, а в целом — на очерковой форме повествования, разбавляемой целостными беллетристическими фрагментами. При этом широко использовалось личное повествование, введение фигуры рассказчика, передача личных впечатлений от знакомства с народом, не исключаящие документально точной фиксации особенностей жизни исследуемого народа.

Несмотря на то, что произведения поляков, участников январского восстания 1863–1864 гг., незаслуженно забыты, большая часть

³⁶ Цит. по: Ibid. P. 103–106.

³⁷ Ibid. P. 107–109.

³⁸ Литература низшего уровня, низкосортная литература.

³⁹ Цит. по: Armon W. Op. cit. P. 36.

⁴⁰ Цит. по: Пыпин А. Н. История русской этнографии. СПб., 1890. Т. 1. С. 424.

⁴¹ См.: Etnologia polska między ludoznawstwem a antropologią. Poznań, 1995.

из них не переведена на русский язык и неизвестна российским этнографам, эти этнографические описания стали своеобразным прологом к более фундаментальным исследованиям, проводимым ссыльными поляками, участниками революционного движения

в Российской империи конца XIX — начала XX в. Прежде всего это относится к исследованиям В. Серошевского, Э. Пекарского, Ф. Кона и Б. Пилсудского, ставших учеными мирового уровня в области этнографии и лингвистики народов Сибири и Дальнего Востока.

Sergiusz Leonczyk

Doctor of Historical Sciences, Institute of History of Siedlce University of Natural Sciences and Humanities (Poland, Siedlce)

E-mail: sergiusz.leonczyk@uph.edu.pl

ETHNOGRAPHIC STUDIES OF THE PEOPLES OF SIBERIA BY POLISH EXILES IN THE SECOND HALF OF THE 19TH CENTURY

The article provides information on ethnographic studies of Siberian peoples published by Poles in the form of descriptions, notes and diaries in the second half of the 19th century. The ethnographic sketches of the exiled participants of the January Uprising in Poland (1863–1864), P. Argant, A. J. Kon, M. Hruszecki, and J. Koton, published in European languages are still little-studied. The author notes the special contribution of L. Nemojewski, who, while in exile, wrote dozens of essays and the book “Siberian Pictures”, which was published in Polish and English. L. Nemojewski was one of the first to present to the European reader the life of the Siberian peoples — and not only the indigenous, but also the Russian Siberians. Not all his descriptions are accurate, sometimes they are somewhat naive. Of particular value is one of the first detailed descriptions of the Khakasses. Nemojewski paid considerable attention to them, analysing not only their traditions, but also their psychology, folklore and religious beliefs. The paper concludes by emphasizing the importance of the study of published ethnographic observations of the exiled participants of the January Uprising in Poland in 1863–1864. All these essays, articles and books certainly fit into the trend of “ethnographic fiction” or “ludoznawstwa” popular in Poland in the second half of the 19th century.

Keywords: *ethnographic studies, peoples of Siberia, 1863–1864 January Uprising in Poland, Ludwik Nemojewski, Yenisei Tatars — Khakasses, ethnographic fiction*

REFERENCES

- Armon W. *Pol'skiye issledovateli kul'tury yakutov* [Polish researchers of the Yakut culture]. Moscow: Nauka / Interperiodika Publ., 2001. (in Russ.).
- Armon W. *Polscy badacze kultury Jakutów* [Polish researchers of the Yakut culture]. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, PAN Publ., 1977. (in Polish).
- Bibliografia Literatury Polskiej — Nowy Korbut* [Bibliography of Polish Literature — “New Korbut”]. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy Publ., 1966, pp. 478–480. (in Polish).
- Czarnecki S. [Kohn Albin Jakub]. *Polski słownik Biograficzny* [Polish Biographical Dictionary]. Krakow: PAN Publ., 1967/1968, vol. 13, p. 204. (in Polish).
- Etnologia polska między ludoznawstwem a antropologią* [Polish ethnology between folk science and anthropology], Poznań: Drawa Publ., 1995. (in Polish).
- Hordejuk S. [Michał Jan Gruszecki (1814–1892). Forgotten Siberian explorer]. *Zesłaniec* [Exile], 2010, no. 45, pp. 4–5. (in Polish).
- Lech Z. *Syberia Polską pachnąca* [Siberia with “fragrant” Poland]. Warszawa: Verbinum Publ., 2002. (in Polish).
- Małgowska H. M. [Ethnography of Siberia in the works of Ludwik Niemojewski]. *Historia kontaktów polsko-rosyjskich w dziedzinie etnografii. Materiały konferencji we Wrocławiu* [History of Polish-Russian contacts in the field of ethnography. Conf. materials in Wrocław]. Warsaw: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, PAN Publ., 1984. (in Polish).
- Pol'skiye issledovateli Sibiri* [Polish explorers of Siberia]. Saint Petersburg: Aleteyya Publ., 2011. (in Russ.).
- Shostakovich B. S. *Fenomen pol'sko-sibirskoj istorii XVII v. — 1917 g.* [The phenomenon of the Polish-Siberian history of the 17th century — 1917]. Moscow: MIK Publ., 2015. (in Russ.).
- Słabczyński T. [Niemojowski, Ludwik]. *Słownik polskich podróżników i odkrywców* [Dictionary of Polish travelers and explorers]. Warszawa: Globograf Publ., 2017, p. 293. (in Polish).